

УДК 821.111

КОНЦЕПЦИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В РОМАНЕ СОМЕРСЕТА МОЭМА «РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ»

Е.А. ПЕТРУШОВА,

*аспирант кафедры всемирной литературы, Институт филологии,
Московский педагогический государственный университет, 119991, Россия,
Москва, ул. Малая Пироговская, 1, e-mail: 27jenni270@mail.ru*

Аннотация

Петрушова Е.А. Концепция русского национального характера в романе Сомерсета Моэма «Рождественские каникулы»

Статья посвящена исследованию концепции русского национального характера в романе Уильяма Сомерсета Моэма (William Somerset Maugham, 1874–1965) «Рождественские каникулы» («Christmas holiday», 1939). В образе русской героини Лидии писатель воплотил своё итоговое представление о русском национальном характере. Эта концепция формировалась последовательно и характеризуется определенной динамикой: от первых очерков, эссе, мемуаров через отражение в новеллистике к итоговому пониманию в романе «Рождественские каникулы». Так, если раньше Моэм отрицал факт самобытности, оригинальности русской культуры, русского характера, в романе он приходит к прямо противоположному выводу. Образ Лидии обнаруживает признание Моэмом богатства, загадочности и непостижимости русской души. Методика исследования является комплексной, в её основу положены имагологический, герменевтический, биографический и культурно-исторический методы.

Ключевые слова: Моэм, роман «Рождественские каникулы», образ Лидии, русский национальный характер, английский менталитет, загадка русской души, непостижимость, традиции Ф.М. Достоевского.

Summary

Petrushova E.A. Concept of the Russian National Character in the Novel «Christmas Holiday» by William Somerset Maugham.

This article contains the study of the concept of the Russian national character in the novel by William Somerset Maugham (1874-1965) «Christmas holiday» (1939). The author personified his final image of the Russian nationality in Lydia's character. This concept has been consistently formed and features specific changes: from his first essays, sketches, memoirs, then represented in novels, and finally shown in the novel «Christmas holiday». For example, Maugham used to deny the fact of uniqueness and

identity of the Russian culture and national character before, but in this novel he comes up with an opposite conclusion. Lydia's character depicts the acknowledgement of the richness, mystery and incomprehensibility of the Russian soul. The study methodology is complex, the basic methods are the imagological, hermeneutic, biographic and the culture-historical method.

Keywords: Maugham, the novel «Christmas holiday», Lydia's character, Russian national character, English set of mind, the secret of the Russian soul, incomprehensibility, traditions of F.M. Dostoevsky.

Уильям Сомерсет Моэм (1874–1965) был признан одним из самых читаемых авторов в XX веке, писатель приобрел репутацию особенно преуспевающего прозаика в 1930-е годы. Между тем, его увлечение русской темой широко и многогранно, последовательно прослеживается на протяжении всего творчества и характеризуется определенной динамикой. Моэм был очень серьезно и глубоко поглощен изучением русской культуры, русского языка, истории России, русской ментальности. Русская тема присутствует как в его эссе, очерках и мемуарах, так и в новеллах и романе. Этому интересу во многом способствовала служба писателя в качестве агента британской разведки в России в 1917 г.

В творчестве Сомерсета Моэма концепция русского национального характера формировалась последовательно: от первых очерков, эссе, мемуаров через отражение в новеллистике к итоговому пониманию в романе «Рождественские каникулы». Настоящее исследование посвящено изучению концепции русского национального характера, выраженной писателем на третьем этапе его размышлений – в романе «Рождественские каникулы». До настоящего времени в отечественном и зарубежном литературоведении при изучении творчества писателя не было уделено достаточного внимания этому аспекту.

На начальном этапе осмысления русской темы, в эссе, мемуарах, очерках Сомерсета Моэма представление о русском национальном характере амбивалентно: с одной стороны, писатель особенно отмечает внутреннюю свободу и естественность русского человека, дающую преимущество перед всеми европейцами, его щедрость, добродушие, незлопамятность, общительность. С другой стороны, Моэм настойчиво пытается опровергнуть всеобщее представление о загадочности и непостижимости русского человека, об особенной судьбе русских, считая, что это выдумка, в

некотором роде прикрытие, которым стараются оправдать недостатки русских («Они твердят, что одной стороной обращены на Запад, другой – на Восток, и при этом гордятся своими недостатками, наподобие хама, который оповещает, что таким уж его сотворил Господь» [9, с. 189]). В безраздельной власти чувства над русским человеком Моэм видит проявление дикарства, а непременное чувство греховности и стремление к страданию, укорененные в русских, неприятно поражают его.

Когда же Моэм обращается к воплощению образов русских в 20-е годы в своих новеллах, первоначальные суждения усложняются, но сохраняется противоречивость образа и критическое отношение к нему. Так, в образе русской политической активистки Анастасии Александровны, героини автобиографического сборника «Эшенден, или Британский агент» (1928), пламенной патриотки, заметны первые попытки Моэма воплотить свои размышления о типе русского характера в художественном образе. За маской русской загадочности и непостижимости скрывается чрезвычайно чувствительная, капризная натура. Русскую героиню Моэм наделяет такими чертами, как гиперболизированная непосредственность, порывистость, эмоциональность, непредсказуемость, склонность к философствованию и самоанализу.

Роман Сомерсета Моэма «Рождественские каникулы» стал новым этапом для писателя в развитии концепции русского национального характера – квинтэссенцией многолетних размышлений. «Рождественские каникулы» относят к разряду «возвращенной литературы»: он был написан в 1939 году, а в России напечатан только в годы перестройки в связи с образом Дзержинского в романе. Да и на сегодняшний день не так много изданий этого романа осуществилось. «Рождественские каникулы» незаслуженно оказались в тени читательского внимания.

В ряду многочисленных персонажей романа особое внимание уделено героине *Лидии*, русской эмигрантке в Париже 30-х годов, в образе которой Моэм с большой любовью воплотил черты *русского национального характера*, свое представление о загадке русской души. Характер Лидии раскрывается преимущественно в сопоставлении с другим героем, молодым англичанином Чарли Мейсоном. Лидию и Чарли Моэм сталкивает в Париже в период

Рождественских каникул. Чарли, молодой человек из обеспеченной интеллигентной семьи, приезжает во Францию, чтобы насладиться рождественским отдыхом. Но ожидания безмятежного времяпрепровождения у Чарли не оправдываются: Лидия, девушка «иной человеческой породы», поколеблет все прежние представления наивного героя, разрушит его иллюзии и покажет настоящую жизнь без прикрас. При этом какая-то необъяснимая сила заставляет англичанина взять русскую героиню под свою опеку и подарить ей незабываемые дни отдохновения.

Впервые англичанин встречается с Лидией в ночь накануне Рождества в публичном доме «Сераль». Таинственный образ русской женщины необъяснимо привлекает и притягивает внимание Чарли. С первого взгляда на Лидию Чарли сразу замечает, что его новая знакомая не похожа на других: «Она сидела странно тихая, будто отрешенная от всего вокруг» [8, с.97].

Мозэм подчеркивает в Лидии, в первую очередь, *красоту внешнюю*. Эта девушка сочетает в себе самые милovidные черты: изящная, хрупкая, тоненькая фигурка, нежная и шелковистая кожа цвета светлого янтаря, большие глаза с голубизной, подобной пламени. Неслучайно впервые на страницах романа Лидия появляется перед читателем под именем княжны Ольги. Уже в этом имени заключено важное для героини определение как величественной святой (Ольга, сканд. – «святая»; «княжна» – величие, благородство). В выражении лица Лидии таится какая-то *загадка* Джоконды: её лицо озаряется странной улыбкой, которая едва трогает губы, не веселая, но не лишённая приветливости, скорее ироническая, полная разочарования и *терпения*. Во всем облике русской героини Сомерсет Мозэм подчеркивает *юность* и *смирение*, от которых у Чарли сжимается сердце. Мозэм окружает идеальный образ Лидии ореолом невинности и святости. Во всех движениях девушки присутствует монотонность и неспешность, протяжная русская интонация делает ее речь притягательной.

В романе излагается *трагическая история* Лидии. Её отец был тихий мирный человек, поглощенный своими учеными занятиями, он не участвовал в политике, приветствовал революцию, думая, что она откроет для России новую эру. Однако, когда Лидии было два года, семья вынуждена была бежать через Фин-

ляндию. Двенадцать лет они с трудом выживали в Англии, но отец не смог пережить непреодолимой тоски по родине и решил возвратиться на родину. Едва пароход пристал к берегу, его схватили агенты ЧК. Из-за «бегства отца к большевикам», Лидия с матерью оказались в ещё более затруднительном положении и в надежде на лучшее уехали в Париж. Но там мать Лидии умерла от голода, отдавая последний кусок дочери.

Чарли впервые в своей жизни сталкивается с таким бесконечно *одиноким, отверженным* человеком. Здесь, во Франции, Лидия – чужая окружающим, она – русская эмигрантка. Чарли вначале не верит, что такое возможно. Однако убеждается, что, потеряв своих родителей, Лидия находит прибежище лишь у друзей матери, Алексея и Евгении, которые сами, воспитывая трех детей, с невероятным трудом выживают. Англичанину порой кажется, что Лидия будто с японской маской на лице, уже не живой человек, а «смертельно страдающее существо, которое спит, скрестив руки на груди, словно каменное изваяние на саркофаге, из – под её сомкнутых век струятся слезы, а рот искривлен скорбью» [8, с. 115].

Но русская героиня у Моэма, пережив ужас, нищету и жестокость, сохраняет *стойкость и мужество*, преодолевает трудности жизни, не теряет чувства собственного достоинства. Писатель наделяет её огромной силой воли, стремлением к радости жизни и ироничному отношению к трудностям.

В романе одним из приемов создания образа русской героини становится *экфрасис* [10, с.120–126]. Через «язык образов искусств» Моэм помогает своей героине Лидии раскрыться. Лидия обладает *тонкой душевной организацией*, восприимчивостью к предметам *искусства*, в которых она находит прибежище от ударов судьбы. В итоге Лидия учит Чарли по-настоящему понимать искусство, глубоко, проникновенно чувствовать краски художника, ощущать переливы музыкальных нот. Так, во время прогулки Лидии и Чарли по Лувру интеллигентному англичанину не терпится показать героине свои самые «любимые» картины. Он мечтает отличиться перед Лидией своими знаниями, вспоминая лекции матери, спешит провести Лидию по тем самым шедеврам, которыми восхищаются во всё мире. Но получается наоборот – Лидия

раскрывает своему спутнику секреты восприятия живописи. В противовес англичанину, который оказывается в плену стереотипов, у Лидии всегда есть индивидуальные переживания и нестандартные, глубокие оценки. «Картина только тогда что-то значит, когда она чем-то вас задевает», – убеждает Лидия своего нового английского знакомого [8, с. 127]. В искусстве для неё важны именно непосредственное восприятие, личные чувства и ощущения человека.

Так, в неприметном натюрморте Шардена Лидия находит необыкновенно глубокий христианский смысл, она видит то, что близко её душевной боли и страданию. Ее восприятию чуткий художник с отзывчивым сердцем Шарден открывает безыскусную картину, трогательную душу, и почти неволью, сам того не сознавая, умеет показать, что из боли, отчаяния, жестокости, из всего рассеянного в мире зла человек может сотворить красоту, было бы только у него довольно любви и сочувствия. От общения с таким творением искусства Лидии становится спокойно и отрадно на сердце, оно облегчает её душу.

В русской музыке героиня черпает *любовь к своей родине*, России, которую она никогда не видела, но по которой обречена была вечно тосковать. Когда Лидия слушала музыку Римского-Корсакова и Глазунова, колоритные и надрывающие душу сочинения Стравинского, оживают ее впечатления о России, почерпнутые из рассказов близких и из книг: «Эти безудержные мелодии, эти спотыкающиеся ритмы, в которых было что-то столь чуждое Европе, уводили ее от самой себя, от убогого существования, наполняли такой страстной любовью, что по щекам катились счастливые слезы облегчения» [8, с.89]. В русской музыке для героини оживают образы России: Кремль с золотыми, в звездах, куполами, Красная площадь, Китай-город и др.

«По-русски», с самозабвением, Лидия и сама исполняет фрагменты музыкальных опер на фортепьяно. И хоть играет она совсем не профессионально, не как Чарли, но какое-то интуитивное чувство подсказывает ей, как нужно передавать эту музыку: без конца нажимая на педаль, она в каждой ноте, будто вырванной из глубины души, передавала смятение чувств и горечь печали, первобытную жизненную силу.

В рождественскую ночь Чарли и Лидия чудным образом решают вместе пойти слушать рождественскую мессу в церкви Сент-Эташ. Церковная музыка глубоко не тронула Чарли, он даже был разочарован, что ему приходится слушать такое неудачное пение. Эта торжественная, строгая, струящаяся вверх, под купол органная музыка, вызывающая чрезвычайное чувство печали, холода, тревоги в то же время рождает у Лидии с её раненой душой горячую, острую реакцию: она уткнулась лицом в ладони и неудержимо рыдала. Что означали эти слезы? Чарли, всегда живший в атмосфере покоя, довольства и комфорта, ее не понимал. Он был удивлен, что столь безыскусное исполнение вызвало у Лидии такие сильные эмоции. «Вдруг она опустила на колени, уткнулась лицом в ладони и неудержимо разрыдалась. Она странно скорчилась, стала похожа на грудку сброшенной одежды, и, не вздрагивая у нее плечи, можно было подумать, что она в глубоком обмороке» [8, с. 164].

Чарли сначала не может понять странностей «этой русской»: её *эмоциональности, импульсивности*, стремления выражать свои *естественные чувства* столь неудержимо, *свободно от любых условностей*. В первую очередь главный герой беспокоится о том, что подумают о нем окружающие. «She was making an *exhibition of herself...*» [14, с.53] («В какое нелепое положение она себя поставила...» [8, с.64]).

Острая реакция русской героини вызвана переживаниями ее искренней, естественной, глубоко чувствующей души. Англичанин Чарли ищет в искусстве скорее удовольствие. Лидия же, «русская душой», настолько непосредственна, чувствительна и открыта, что не может скрыть всего, что возбуждают в ней звуки музыки. Порой в ней одной она находит и отдохновение, и приют, и облегчение от тягот своей нелегкой жизни.

В сцене, разыгравшейся в храме, англичанин был растерян: воспитанный и «*по-английски сдержанный*», умеющий управлять своими эмоциями, он пытался сделать вид, будто ничего не заметил. Чарли стыдился этой ситуации. А когда Лидия, сотрясаясь от рыданий, корчась и вздрагивая, опустила на колени, герой со смущением старается загородить её от взглядов окружающих, переживая за свою репутацию. Совсем удивительно для Чарли,

что Лидия даже не извиняется за своё странное поведение, а вскоре, за ужином, уже ест с аппетитом: «О приступе рыданий, случившемся с ней, не сказала ни слова, и, можно было подумать, она считает его вполне естественным и не требующим извинения» [8, с.78].

Потрясением для англичанина становится и *страстная самоотверженная любовь* Лидии к своему мужу-преступнику. «Любовь в жизни этой девушки была подобна симфоническому сопровождению, что сообщает глубину и значимость мелодии – её повседневной жизни», [8, с. 139] – замечает автор. И это при том, что Робер Берже был осужден за убийство и сослан в колонию для преступников во Французской Гвиане.

Мозэм изображает невероятную *силу страсти*, которая отличает Лидию, эту маленькую хрупкую женщину, в ее преданной любви к мужу. Перед этим чувством Чарли отпрянул в «благоговейном ужасе, как испуганный и зачарованный отпрянул бы при виде лесного пожара или буйно разлившейся реки» [8, с.154]. Англичанин съезживается от того *неистовства чувств нечеловеческого накала*, которые обнаруживает рассказ русской героини о своей трагической любви. «Всё у этой русской доведено до крайности, и этим она так отличается от благоразумного европейца Чарли», – заключает Мозэм в одном из эпизодов романа [8, с.128].

Для Чарли удивительна сила этой самоотверженной любви Лидии к своему мужу, которого она боготворит: «Я полюбила не на месяц и не на год. Я полюбила навсегда. Его единственного полюбила. И никого другого уже не полюблю. Что бы он ни сделал, что бы ни ждало нас в будущем, я его люблю» [8, с. 135]. Такая русская любовь представляется Чарли жутким, отталкивающим, нецивилизованным чувством, свойственным первобытным дикаркам. Лидия готова целовать ноги мужу и умереть за него.

Поразительна для Чарли и другая логика Лидии. Ради *искупления греха* мужа она пришла в «Сераль» в поисках страданий, желая уподобиться страданиям Робера. В поисках искупления Лидия намеренно подвергает себя самому тяжкому унижению – она выбирает публичный дом не для бедняков, солдат, рабочих, которые могли вызвать у нее жалость, а именно «Сераль» – место для богатых праздных распутников, где унижение для героини было подобно

«гноящейся незаживающей ране». «Меня жжёт стыд, к нему не привыкаешь» – так говорит Лидия о своей боли [8, с.122].

Безусловно, для Моэма представление о русском национальном характере неразрывно связано с впечатлением от героев *русской классической литературы*. Нередко писатель создает своих русских персонажей с явной оглядкой на них. Так, например, глаза русской героини одной из новелл Моэма, Анастасии Александровны, напоминали то об Алеше из «Братьев Карамазовых», то о Наташе из «Войны и мира», то об Анне Карениной. Персонажи русских романов всплывают также в сознании Лидии, когда она слушает русскую классическую музыку: «В музыке Лидии чудилось, будто князь Андрей и очаровательная Наташа и сегодня ходят по хлопотливым улицам Москвы, Дмитрий Карамазов после безумной ночи у цыган встречается на Москворецком мосту милого Алешу, купец Рогожин проносится в санях с Настасьей Филипповной...» [8, с.114]. Достоевский был для Моэма предметом особых длительных раздумий и высокой оценки и в итоге значительно повлиял на формирование *концепции русского национального характера*, отразившейся в художественном сознании английского писателя. Очевидно, что образ Лидии также был создан под влиянием романов Достоевского.

Подобно героине романа «Идиот» Настасье Филипповне, Лидия поражает резкой сменой настроений, способностью принять страдание, презрение и не утратить достоинство. Более того, она идет навстречу новому страданию, считая, что таким образом ее муки соединяются со страданиями мужа, облегчая его участь и сохраняя их единство. В этом христианском понимании *страдания* как очищения, как искупительной жертвы, Лидия близка также Соне Мармеладовой из романа «Преступление и наказание». Ведь именно Соня внушает Раскольникову мысль о спасительном страдании. Интересно, что Моэм в «Записных книжках» за 1917 год и в пьесе «За заслуги» (1932) выражал мысль, что страдание убивает в человеке всё прекрасное и нравственное, что он не понимает этого стремления русских к «садомазохизму». Однако спустя годы в романе «Рождественские каникулы» автор создает персонажей, свидетельствующих о том, что он пересматривает свое представление о страдании.

В «Рождественских каникулах» Сомерсет Моэм, как следует из рассуждений и поведении Лидии, придавал большое значение мысли Достоевского о страдании за грехи других. В то же время еще в романе «Малый уголок» (1925) Моэм заострил мысль героя Достоевского Ивана Карамазова, не признающего «мук безвинных за грехи виновных» [12, с.35].

В своем понимании Бога Лидия очень близка Ивану Карамазову. «Бог? Причем тут Бог? – говорит уставшая от бесконечных страданий Лидия. – По-вашему, я могу видеть, в каких мучениях живет огромное большинство людей, и верить в Бога? По-вашему, я верю в Бога, который допустил, чтобы большевики убили моего несчастного простодушного отца? Знаете, что я думаю? ... Я думаю, он умер, ... перестал существовать, когда сотворил то, что сделало возможным существование людей» [8, с.138].

По-видимому, внутренний протест героини, к которой Моэм явно выражает симпатию и сочувствие, близок и ему самому. Об этом свидетельствует фраза, принадлежащая повествователю: «А может быть, все-таки эта женщина с ее трагической историей, с ее ужасной жизнью была не так уж неправа, когда сказала, что Господь, сотворив наш мир, умер?» [8, с.139].

Таким образом, если на раннем этапе освоения русской темы Сомерсет Моэм считал, что чувствительность и естественность – те параметры, по которым англичане и русские никогда не смогут понять друг друга, то позднее, в романе «Рождественские каникулы» писатель допускает, что люди, далекие по своему менталитету – англичанин и русская, – духовно сближаются, находят точки соприкосновения и, более того, *англичанин под влиянием русского человека даже благотворно меняется*. Тот образ жизни, тот стиль поведения, которому придерживался Чарли в своей среде до приезда в Париж, больше не кажется ему приемлемым.

В романе светлый, в духе Рождества, радостный финал. Лидия открыла Чарли абсолютно не ведомый ему ранее мир, научила его иначе понимать искусство, глубоко, проникновенно чувствовать полотно художника, переливы музыкальных нот, сопереживать творению. Англичанин вдруг ясно осознал, что его жизнь и жизнь его семьи – это какой-то ходульный, искусственный мир, который его больше не удовлетворяет.

В романе происходит настоящее *рождественское чудо*: складывается духовная близость двух абсолютно незнакомых друг другу, далеких по своему менталитету людей, проявляется их взаимная щедрость. В результате их встречи для англичанина наступает прозрение, для русской героини – долгожданное отдохновение, встреча с добром.

В финале перед читателем уже не тот английский мещанин Чарли, который был несколько дней назад: это человек, тонко чувствующий ближнего, думающий о других, а не только о себе, размышляющий и анализирующий.

Можно сказать, что в романе «Рождественские каникулы» в образе русской героини Лидии Сомерсет Моэм воплотил своё итоговое представление о русском национальном характере. Суждения о русском национальном характере, прежде высказанные Моэмом сначала в его очерках, эссе и мемуарах, а затем воплощенные в новеллах, противоречивые и нередко негативные, как видим, в романе приобретают иной характер. Так, если раньше Моэм отрицал факт самобытности, оригинальности русской культуры, русского характера, в романе он приходит к прямо противоположному выводу. Образ Лидии обнаруживает признание Моэмом *богатства, загадочности и непостижимости русской души*. Писатель дает ей характеристику *«иной человеческой природы»*. Русская героиня очень эмоциональна и непредсказуема, предельно естественна, внутренне свободна, но эти черты характера представлены необычными, трогательными и привлекательными. Исследователь В. Скороденко замечал, что «Лидия с её любовью к идиллической России Чехова, Тургенева, Толстого, Скрябина с её странной, на взгляд западного человека – англичанина, «повадкой» и загадочной «русской душой» – образ, говорящий о том, что русский характер представлялся писателю органической формой *слияния прекрасного и нравственного*» [11, с. 29].

Роман «Рождественские каникулы» – богатейший материал для дальнейшего исследования, так как в этом романе писатель продолжает традицию развития русской темы в английской литературе и в то же время дает пищу для размышления последующим художникам, размышляющим о России и русских. Роман также интересен аспектом рецепции Достоевского. Эта тема в творче-

стве писателя еще ждет исследователя, который включил бы в орбиту рассмотрения традиции Достоевского и другие произведения Моэма.

Список использованных источников

1. Артемова В.Г., Филиппова Я.В. Ментальность русского народа: традиции и эволюция. М., 2008. 217 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1989. 157 с.
3. Гачев Г.Д. Ментальность народов мира. М., Эксмо, 2003. 294 с.
4. Костина Е.А., Егорычев А.М., Ригер А. Русские: характер, ментальность, стереотипы поведения/ Вестник Новосибирского государственного педагогического университета № 6(16). 2013. С. 15-38
5. Лихачев Д.С. Раздумья о России: СПб: Изд-во ЛОГОС, 2001. 156 с.
6. Лосский Н.О. Характер русского народа/ Условия абсолютного добра. М., 1991. 217 с.
7. Михальская Н.П. Россия и Англия: проблема имагологии: учебное пособие по спецкурсу/ Н.П. Михальская. Самара: ООО «Порто-принт», 2012. 179 с.
8. Моэм У. С. Рождественские каникулы. Малый уголок. На китайской ширме. М.: Астрель, 2011. 672 с.
9. Моэм У.С. Записные книжки писателя. М.: Астрель, 2010. 444 с.
10. Петрушова Е.А. «Роль экфрасиса в системе персонажей романа С. Моэма «Рождественские каникулы». Мировая литература в контексте культуры № 4. Пермский государственный национальный исследовательский университет. С. 120–126.
11. Скороденко В. А. Практическая эстетика Уильяма Сомерсета Моэма, или секреты творчества // У. Сомерсет Моэм. Искусство слова. О себе и других. Литературные очерки и портреты. М.: Художественная литература, 1989. С. 3–22.
12. Хуснулина Р.Р. «Переключка через столетие: Ф.М. Достоевский и С.Моэм. К 140-летию С.Моэма». Казанская наука. 2014. № 3. С. 16–21.
13. Cross A. The Russian Theme in English Literature. From the Sixteenth Century to 1980. An Introductory Survey and a Bibliography. Oxford University Press, 1985. 278 p.

14. Maugham W.S. Christmas Holiday. L.: Vintage books, 2001. 251 p.

15. Maugham W.S. The World's ten Greatest Novels. N.Y.: Faucett publications, inc., 1956. 321 p.

16. Muchnic H. Dostoevsky's English Reputation. 1881–1936. New York: Octagon Books, 1969. 219 p.